

6. *Veblen T.* Suggestions Touching the Working Program of an Inquiry into the Prospective Terms of Peace // *The Historian and the Diplomat. The Role of Historians in American Foreign Policy.* N.Y., 1967. P. 187–188.
7. *Veblen T.* Outline of a Policy for the Control of the “Economic Penetration” of Backward Countries and of Foreign Investments // *Ibid.* P. 190–192.
8. *Ibid.* P. 194.
9. *Ibid.* P. 197–198.
10. Цит. по: *Хофстедтер Р.* Американская политическая традиция и ее создатели. М., 1992. С. 298–299.
11. *Turner F.J.* A Memorandum. International Political Parties in a Durable League of Nations. Nov. [30?], 1918 // *The Papers of Woodrow Wilson / Ed. by A.S. Link et al. Vol. 1–69. Princeton, 1966–1994. Vol. 53. P. 264–265.*
12. *Ibid.* P. 265.
13. *Ibid.* P. 266–268.
14. *Ibid.* P. 269.
15. *Ibid.* P. 270.
16. *Mayer A.J.* Politics and Diplomacy of Peacemaking. Containment and Counter-revolution in Versailles. 1918–1919. N.Y., 1967. P. 83; *Herman S.* *Op. cit.* P. 174.

Л.В. Ланник

Накануне «удара в спину»: германская армия осенью 1918 г.

Одним из важнейших вопросов истории Германии первой половины XX столетия является проблема политического мифа, сокрушившего Веймарскую республику, — так называемой *Dolchstoßlegende*. Исследованию этого феномена, преимущественно в политическом разрезе, посвящены десятки специальных работ¹. Еще на стадии формирования версия «удара в спину» тесно переплелась еще с целым рядом сложных вопросов истории последних месяцев Великой войны, в том числе с дебатами об оправданности наступлений на Западе 1918 г. и о причинах их неудач.

Дискуссия осложняется тем обстоятельством, что для политического престижа официальных победителей было жизненно необходимо доказать факт разгрома германской армии именно на полях сражений, чего в Германии не желали признавать даже партии умеренной Веймарской коалиции — СДПГ и Центр, а уж националисты и подавно. Таким образом, богатейшая дискуссия по поводу факторов, определивших исход кампании 1918 г., вплоть до 1945 г. была обречена на необъективность. Однако и в более поздней полемике 1960–1970-х гг.², когда речь шла о преемственности внешней политики II и III рейхов, а также об истоках германского (прусского) милитаризма, при обращении к тем же сюжетам оппоненты были пристрастны и крайне тенденциозны в подборе аргументов.

Тем важнее задача установления соотношения объективных и субъективных факторов, приведших к признанию Германской империей своего поражения осенью 1918 г. При этом важен анализ состояния германских вооруженных сил не только к ноябрю 1918 г., когда революция уже разразилась, и не только к 8 августа 1918 г. — «черному дню» германской армии, но и до этого, по итогам наступлений весны–лета 1918 г. Разумеется, определяющее значение имеет статистика, в том числе число потерь в живой силе, в производстве военных материалов и проч. Вдаваться в детали сырьевых проблем и даже катастрофы снабжения Германии летом–осенью 1918 г. или подробно описывать перспективы пополнения германской армии после громадных потерь от наступлений весны–лета 1918 г. и от отступления начала осени 1918 г. нет необходимости — это давно и подробно рассмотрено³. Впрочем, некоторые немецкие военные специалисты были столь унижены Версалем, что полагали возможным всерьез доказывать перспективность продолжения войны осенью 1918 г. и приводили некоторые статистические выкладки⁴. Не все разделяли подобный оптимизм, особенно сразу после окончания войны⁵, однако с установлением монополии Рейхсархива на изложение военных событий, эта критическая линия была полностью утрачена. Для оценки состояния непосредственно армии и флота, а не оценки стратегического положения Германии в целом, весьма важна картина происходившего с офицерским корпусом. В особенности с той его частью, которая лично не водила войска в атаку (генштабисты, офицеры некоторых родов войск, командиры

батальонов и старше), а также с генералитетом (адмиралитетом) накануне столь неожиданного (согласно веймарскому мифу) крушения. В предлагаемой вниманию читателей статье речь пойдет именно о состоянии германской военной элиты, а также о ее перспективах и тенденциях перемен в ее составе на конец лета 1918 г.

Анализ целого ряда источников и литературы (мемуары, полковые истории, официальные германские версии войны (серия “Schlachten des Weltkrieges”, 14-томная работа Рейхсархива), в том числе опубликованных архивных документов, современных исследований⁶, приводит к следующим выводам. Офицерский корпус был обескровлен настолько, что при продолжении боевых действий характер действий армии поменялся бы радикально. Даже огромные, особенно по сравнению с Россией, резервы годных к офицерским должностям образованных молодых людей, частично отслуживших свой годичный срок еще в довоенное время, почти иссякли. После отправки на передовую в 1918 г. всех годных офицеров из штабов, процент кадровых командиров даже в штабах упал до 40%, а то и менее. Хронически не успевая готовить офицеров для различных, в том числе новых, видов и родов войск, германская армия к середине 1918 г. вынуждена была остановиться перед непреодолимым препятствием: отсутствием сколько-нибудь подходящих кандидатов, не считая перспективы массового производства их из унтер-офицеров⁷. Эрзац, ландштурм и ландвер превратились в ополчение уже давно, однако теперь ополчением, даже на уровне младшего офицерства, становились и части, некогда бывшие кадровыми. При этом обстановка на Западном фронте была наиболее благополучной, так как именно туда стягивали не только все лучшие части, но и молодой личный состав из частей с других фронтов, где в связи с этим остались войска явно третьесортные, да еще и состоявшие из немолодых солдат последних призывов. Призывы В. Ратенау к “levee en masse” осенью 1918 г. выглядят странно⁸, так как оно уже давно состоялось. Даже весьма тщательный подсчет перспектив пополнения армии прусским военным министерством в октябре 1918 г. дал 600 тыс. человек, из которых в течение месяца, т.е. до Компьена, можно было бы получить лишь 190 тыс.

Роковые последствия потерь при наступлениях весны–лета 1918 г. (например, за 27 мая – 13 июня 1918 г.: 4 581 офицер и 125 789 солдат, при этом не исключено, что эти данные не полные) признавала даже

крайне пристрастная официальная германская военная историография. Например, по данным Г. Куля, с 21 марта по 1 октября, несмотря на все переброски с других фронтов, количество германских солдат на Западе уменьшилось на 989 тыс. человек, количество офицеров — на 33 тыс., общая убыль — 1 022 тысячи⁹. Относительно «блестящего наступления» на Шмен-де-Дам утверждалось, что в этой «победе скрывались зародыши наших будущих поражений», а подзаголовок всего военно-исторического труда говорит сам за себя: «Напрасные бои у Компьена, Виллер-Коттре и Реймса»¹⁰. В. Дайст полагает даже, что после быстро исчезнувшей эйфории от успеха 21 марта 1918 г. германская армия находилась на грани скрытой до поры до времени военной забастовки, которая вряд ли была возможна без младшего комсостава и уж, естественно, была вполне ему известна¹¹. Наглядный пример перспектив, ожидавших армию, лишившуюся старого прусского монархического генералитета, — это фрайкоры в 1918–1921 гг., со всеми свойственными им чертами ведения боевых действий (крайняя жестокость, спонтанность, привязанность солдат к личности непременно харизматичного командира, но не верность присяге или абстрактным ценностям и т.д.).

Германия могла бы продолжать боевые действия еще несколько месяцев, если бы не рухнули периферийные фронты. Кампания весны 1919 г. стала бы для кайзеровской армии последней в любом случае, хотя на то, что немцы продержатся до весны, рассчитывали не только они сами, но куда более и Антанта. Даже в ходе мирных переговоров и даже после Компьена «победители» продолжали опасаться, что «побежденные» ведут двойную игру, выторговывая передышку для реорганизации потрепанной армии, а военная диктатура просто замаскирована под новое парламентское правительство (частично для этого были основания). К ноябрю 1918 г. главной угрозой для устойчивости фронта были не удары противника, а катастрофа снабжения и недостаток пополнений. Впрочем, на фронт отправились и даже успели повоевать юноши 1900 г. рождения (Гиммлер не успел, но фронтовиком себя считал), им на помощь готовились прийти и мальчишки 1901 г. рождения, а в Германии после войны даже насмеялись над поколением «1902 года»¹², т.е. теми, кто не успел встать в строй. Очевидно, что офицеры такого возраста могли воевать, наверное, лишь на уровне А. Гайдара,

командовавшего полком якобы в 16 лет. Юный возраст младших офицеров, — а эта часть корпуса понесла тяжелейшие потери, — уже давно стал причиной крушения субординации в армии. К осени 1918 г. это явление порой начинало походить на фарс¹³.

Часто подчеркиваемое сословное различие между офицером и солдатом в имперских армиях в действительности все более сменялось пропастью между младшим и высшим офицерством. Это было обусловлено разрывом как по возрасту, так и по ментальности. Дистанция между лейтенантами и нижними чинами, так необходимая для дисциплины, постепенно исчезала, грозя чуть ли не партизанскими нравами. Виною тому — исчерпанность людских резервов и катастрофические потери младшего комсостава. Например, за годы войны в прусских частях погибло майоров в 40 раз меньше, чем лейтенантов и обер-лейтенантов, при том что майоров погибло лишь в 6,5 раз меньше чем генералов. По ранениям статистика еще показательнее: в 59,5 раз (почти 79 тыс. раненых лейтенантов против 1,3 тыс. майоров). Среди потерь офицерства доля фенрихов, лейтенантов и обер-лейтенантов составляла 84,3%¹⁴. Кроме того, особенностью консервативной кайзеровской армии было то, что заслуги офицеров вознаграждались преимущественно орденами, а не ускоренным производством в следующий чин¹⁵, поэтому темпы продвижения по службе не слишком возросли, что провоцировало все более явное недовольство. Перспективы среднего командного состава были крайне противоречивы. С одной стороны, дальнейшему карьерному росту препятствовали отсутствие генштабистского образования и сохранявшаяся старая модель производства в чины. С другой — армия испытывала крайнюю нужду в опытных тактических командирах, что сопровождалось резким падением качества младшего комсостава. В условиях так называемых *Materialschlachten* найти баланс было фактически невозможно, однако при боевых действиях меньшего масштаба, например в ходе всплеск гражданской войны в Германии в 1918–1921 гг., средний командный состав смог вполне обойтись и без высшего, поскольку в составе действующих отрядов не имелось частей крупнее полка.

Клету 1918 г. стал очевиден финал процесса смены поколений в старшем и высшем офицерском корпусе. Эта смена, сопровождаемая изменениями мировоззренческого характера, при любых условиях мира,

а возможно, даже до его заключения, если бы война затянулась еще на несколько месяцев, неизбежно привела бы к трансформации взаимоотношений армии и государства. Старшее поколение, олицетворявшее столь долго поддерживаемую видимость сохранения мирных порядков в чрезвычайных военных условиях, теряло не только реальную власть, но и физическую способность сопротивляться веяниям нового времени. Доказательством этого является историческая фраза В. Грёнера, произнесенная им 9 ноября, о том, что «присяга кайзеру... теперь не более чем фикция»¹⁶. Эти слова не вызвали никакого опровержения, хотя и были абсолютно немыслимы для генералов старшего, т.е. 1845–1865 гг. рождения, поколения, которые прошли начальную подготовку в эпоху деда последнего кайзера, а иные и в период Франко-прусской войны. Многие генералы попросту не выдержали колоссального напряжения четырех лет войны, некоторая часть из них и вовсе вышла в отставку еще до 1914 г. и вернулась на службу только с началом войны. К 1918 г. это были уже очень пожилые люди. К примеру, Гинденбургу в 1918 г. был 71 год. Поэтому старый генералитет, хотя из-за недостатка высших командных кадров его и задействовали по максимуму, должен был к осени 1918 г. окончательно сойти со сцены, в лучшем случае на почетную пенсию. Например, Линзинген был назначен командиром столичного военного округа. Им на смену должны были прийти те, кто действительно стяжал себе славу на полях сражений, или те, кто фактически руководил действиями армий при престарелых командующих: Людендорф, Гренер, Гофман, Хайе, Лоссберг, Рейнхардт и др. Нервная обстановка и крайняя самоуверенность Людендорфа, о котором даже в кругах генштабистов поговаривали, что он «вполне созрел для сумасшедшего дома»¹⁷, только обостряла конфликты. Даже у начальников штабов армий весной 1918 г. сложилось впечатление, что Ставка не желает считаться с действительностью¹⁸. Осенью 1918 г., когда в критических ситуациях было уже не до прежних формальностей, это стало особенно заметно: пожилые командиры, задерживавшие и осложнявшие процесс реализации принятых не ими решений, должны были отойти в сторону. Разумеется, это не касалось августейших командующих, убрать которых можно было только вместе с крушением монархии. Не относилось это и к живым символам одержанных побед: Гинденбургу, чуть менее — Макензену, Эйнему, Гальвицу и др. Дело осложнилось

еще и интригами внутри генералитета, а также ревностью Людендорфа, из-за которой за пределами решающего Западного фронта оказался целый ряд таких блестящих военных специалистов, как Гофман, Фалькенгайн, Сект¹⁹. Даже сильно разросшиеся за войну штабы не смогли бы удовлетворить честолюбие нового, военного поколения командиров старшего звена. В критические моменты они могли прийти едва ли не до бунта, что и произошло в ранние годы Веймарской республики. Консервативное высшее командование оказалось не просто бессильно, оно намеренно вело себя пассивно, что и предопределило бесславный конец монархии в Германии. Что касается возможной «плавной» замены старых кадров новыми, то опыт «гучковской чистки» в Русской армии показал, что этот процесс, движимый даже самыми лучшими побуждениями, невозможно совместить с сохранением боеспособности армии.

Относительное «благополучие» флотского высшего офицерства было связано с затянувшейся пассивностью линейного флота и малочисленностью адмиралитета, вызванной сравнительной молодостью большей части германского флота. Высший командный состав флота был так невелик, что были задействованы все имевшиеся вице-адмиралы и адмиралы, в том числе те, кто пережить Великую войну не имел шансов просто в силу возраста (к примеру, Поль; весьма пожилым человеком был и Тирпиц). Приход к власти на флоте Шеера (август 1918 г.) положил бы этой «геронтократии» конец в самое ближайшее время, а в послевоенном флоте в любом случае возобладали бы командиры подлодок (например, К. Дениц) или миноносцев, базировавшихся на фландрских базах, потерянных осенью 1918 г. Этому молодому поколению были присущи иной опыт войны и иной уровень самостоятельности, равно как и другая манера принятия решений. Тем не менее и во флоте мощнейшему удару подвергся младший офицерский состав, уходивший от рутины сидения в портах в морскую пехоту или в авиацию, в то время как «резервов» высшего звена не было. Громадные запасы неизрасходованного служебного рвения и тщеславия сделали флотское офицерство едва ли не самым активным участником фрайкоров, где они стремились развеять позор линейного флота, начавшего революцию. Неслучайно, во флоте и после войны продолжали считать, что даже в 1918 г. флот еще мог внести существенный вклад в более почетный мир, а возрождение духа реванша в послевоенной Герма-

нии связано с затоплением германского флота в Скапа-Флоу в 1919 г. Весьма вероятно, что если бы флот в августе 1918 г. не возглавил герой Скагеррака Шеер²⁰, то и во флоте сильно возросла бы угроза путча и своеволия с требованием более активных боевых действий. Поэтому даже и без финальной решающей схватки с английским Гранд Флотом (перспектива которой и спровоцировала Ноябрьскую революцию) флот ждали крупные перемены, обязательно лишившие бы его статуса «флота роскоши», «любимой игрушки» кайзера²¹.

Таким образом, с точки зрения объективных тенденций, сформировавшихся в вооруженных силах Германии в ходе войны, многочисленные потрясения осени 1918 г. и Ноябрьской революции играли лишь роль катализатора, но никак не внезапного поворота или уж неожиданного «удара в спину». Офицерский корпус — основа для каких бы то ни было расчетов на достойный выход из войны — не был разгромлен на полях сражений. Задолго до подписания Компьенского перемирия он просто перестал существовать в том виде, в котором его хотели сохранить высшие слои. Претензия на его гомогенность даже в довоенное время была довольно сомнительной²², в ходе же войны сомнительным стало и его идейное, политическое единство (даже если до того оно базировалось на обязательной аполитичности). Теперь же к сословным условиям, конкуренции видов и родов войск и к обособлению гвардии и Генштаба прибавилось едва ли не враждебное противостояние по линиям армия — флот, пехота — авиация, фронт — тыл, строй — штабы, кадровые — ландверные и т.д., разъедавшее офицерство.

Но это происходило на фоне все более крепнущего единения национального, общегерманского, стоящего выше присяги отдельным германским монархам. Именно это и позволило германской армии выжить в годы версальских ограничений, а пресловутый «удар в спину» ничуть не изменил главного достижения кайзеровской армии эпохи Великой войны: она окончательно стала школой нации и основой германского единства, выдержавшего самые суровые испытания. Не соответствующий эпохе старый идеал взаимоотношений командира и солдата сменился выкованным на фронте боевым братством, куда более прочным, но и доступным лишь избранным из офицеров, способных сохранить уважение своих подчиненных даже в революционном вихре.

Примечания

1. Самое крупное исследование из новейших — *Barth B. Dolchstoßlegende und politische Desintegration. Das Trauma der deutschen Niederlage im Ersten Weltkrieg 1914–1933. Düsseldorf, 2003.*
2. В первую очередь имеется в виду Ф. Фишер и вызванная его трудами полемика в германской историографии. См. подр.: *Kracht K.G. Kriegsschuldfrage und zeithistorische Forschung...* // URL: www.zeitgeschichte-online.de; *Historikerkontroversen / Hrsg. von H. Lehmann. Göttingen, 2000; Historische Debatten und Kontroversen im 19. und 20. Jahrhundert: / Hrsg. von J. Elvert, S. Krauss. Stuttgart, 2003.*
3. *Куль Г., Дельбрюк Г. Крушение германских наступательных операций в 1918 г. М., 1935; Базаревский А.Х. Мировая война 1914–1918 гг. Кампания 1918 года во Франции и Бельгии. Т. 1–2. М.; Л., 1927; Zabecki D.T. The German Offensives 1918. The case study in the operational level of war. L.; N.Y., 2006.*
4. *Kuhl H. Die Kriegslage im Herbst 1918. Warum konnten wir weiterkämpfen? Berlin, 1922. См. также: The Causes of the German Collapse in 1918 / Sel. by R.H. Lutz. Stanford, 1934. Хотя и эта работа основана в основном на точке зрения Г. Куля. Кроме того, высказывался по данному вопросу и один из самых близких соратников Людендорфа М. Байэр: Bauer M. Konnten wir den Krieg vermeiden, gewinnen, abbrechen? В., 1919.*
5. См., напр.: *Gleich G., von. Die Alte Armee und ihre Verirrungen. В., 1920; Das alte Heer. Von einem Stabsoffizier. В., 1920, Armee und Revolution: Entwicklung und Zusammenhänge. В., 1919.*
6. В первую очередь, работы Д. Зэбецки, В. Метелинг, сборник “Kriegsende 1918”, В. Дайста: *Deist W. Militär, Staat und Gesellschaft. München, 1991; Meteling W. Ehre, Einheit, Ordnung: preußische und französische Städte und ihre Regimenter im Krieg, 1870–71 und 1914–19. Baden-Baden, 2010; Kriegsende 1918: Ereignis, Wirkung, Nachwirkung / Hrsg. von J. Döppler, G.P. Groß. München, 1999.*
7. *Wrisberg. E. v. Ausbau und Ergänzung des Heeres // Der Weltkampf um Ehre und Recht. Die Erforschung des Krieges in seiner wahren Begebenheit auf amtlichen Urkunden und Akten bestehend / hrsg. von M. Schwarte. 10 Bde. В., 1919–1933 (Autorenkollektiv). Bd. 6. Kap. 1.*

8. См.: *Hecker G.* Walther Rathenau und sein Verhältnis zu Militär und Krieg. R., 1983; *Rathenau W.* Industrialist, Banker, Intellectual, and Politician. Notes and Diaries 1907–1922 / Ed. by H. Pogge von Strandmann. Oxf., 2005.
9. *Куль Г., Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 24–25.
10. Wachsende Schwierigkeiten 1918 // Schlachten des Weltkrieges. Bd. 33. B., 1930. S. 192.
11. *Deist W.* Militär, Staat und Gesellschaft. S. 231–232.
12. См.: *Wohl R.* The Generation of 1914. Harvard, 1979. P. 62–64.
13. Описано в романах Л. Ренна, в меньшей степени Э.М. Ремарка. См. также: *Armee und Revolution.* B., 1919. S. 15–19.
14. Vom Sterben des Deutschen Offizierkorps / Hrsg. von C. v. Altrock. B., 1922. S. 57, 65.
15. Untersuchungen zur Geschichte des Offizierkorps: Anciennität und Beförderung nach Leistung / Hrsg. von H. Meier-Welcker. Stuttgart, 1962. S. 168–171.
16. *Thaer A.* Generalstabdienst an der Front und in der OHL. Aus Briefen und Tagebuchaufzeichnungen / Hrsg. von S. Kaehler. Göttingen, 1958, *Niemann A.* Kaiser und Revolution. Die entscheidenden Ereignisse im Großen Hauptquartier. B., 1922, *Groener W.* Lebenserinnerungen. Jugend, Generalstab, Weltkrieg / Hrsg. von F. von Gaertringen. Göttingen, 1957.
17. См.: *Groener W.* Op. cit. S. 543–544.
18. См. мемуары офицера Генштаба, а затем сотрудника Ставки А. Тэра: *Thaer A.* Generalstabdienst... S. 188, 195–198.
19. Например, Гофман писал 7 марта 1918 г.: «Великие люди страдают ревностью. Я поэтому не верю, чтобы Людендорф согласился на мое перемещение». 8 октября 1918 г. он же не без злорадства констатировал: «С тех пор как Людендорф отошел от меня, ему больше не везет». *Гофман М.* Записки и дневники / под ред. Р. Эйдемана. Л., 1929. С. 242, 258.
20. Шеер был культовой фигурой во флоте, офицерский корпус которого был едва ли не сплошь из буржуазии, но при этом был «самым кайзеровским» родом войск, имея отчетливую тягу к старопрусскому духу. Однако показательно, что Шеер отказался принимать дворянство, предложенное ему кайзером после Ютландского сражения.

21. См. подробнее: *Herwig H.* Das Elitekorps des Kaisers. Die Marineoffiziere im wilhelminischen Deutschland. Hamburg, 1977; *Herwig H.H.* “Luxury Fleet”: The Imperial German Navy, 1888–1918. L.; N.Y., 1987; *Hubatsch W.* Der Admiralstab und die obersten Marinebehörden in Deutschland. Frankfurt/M., 1958.
22. В этом признавались и некоторые из кайзеровских генералов, см.: *Gleich G.* Die alte Armee. S. 41.

В.А. Котенев

Вопрос о германских репарациях на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг.

В начале октября 2010 г. Германия произвела последнюю выплату по репарациям в размере 59,5 млн фунтов стерлингов. После этого у Берлина не осталось долгов, возникших в результате Первой мировой войны. Большая часть выплаченных денег была направлена физическим лицам, пенсионным фондам и корпорациям — держателям облигаций на получение репарационных выплат¹. Как отмечал банкир Томас Ламонт, входивший в состав американской делегации на Парижской конференции: «Тема репараций вызвала больше проблем, споров и препятствий, чем любой другой пункт Версальского мирного договора»².

Указанный вопрос явился важнейшим предметом международных отношений межвоенного периода и стал причиной постоянной напряженности как в отношениях между Германией и победителями, так и в стане самих союзников. С самого начала конференции в Париже дебаты относительно материальной ответственности проигравших держав рассматривались их участниками и наблюдателями в качестве ключевой составной части мирного урегулирования. Данная проблема оказалась одной из самых сложных не только в краткосрочной перспективе, но наложила свой отпечаток на трудности последующего выполнения мирных соглашений, особенно в случае Германии. Нако-